

Молва свидетельствует: кто только не побывал в постели знаменитой секс-бомбы Америки Мэрилин Монро — от братьев Кеннеди до голливудских суперменов. Немало было истрачено чернил, чтобы описать похождения этой сногшибательной красавицы. После смерти кинозвезды целые книги посвящали фильмам, в которых она играла, бульварные сочинители продолжали рассказывать о ее любовных историях, авторы посерьезней сообщали о политических интригах и заговорах, нити которых якобы вели в спальню Мэрилин.

«Тогда она еще не была легендой...»

Сестра Мэрилин Монро впервые раскрывает тайны знаменитой актрисы

И вот в августе, к очередной годовщине со дня трагической гибели Мэрилин Монро, в США вышла еще одна книга. Ее написала Берник Мирак, родная сестра актрисы, которая молчала много лет. Теперь же, в свои семьдесят четыре года, она решила рассказать о Мэрилин все, что знала. Так родилось повествование о девочке, которую в раннем детстве бросили отец и мать и ей пришлось жить в детском приюте. О юной девушке, которая в шестнадцать лет вышла замуж, чтобы не быть одной, потому что ей приходилось трудно и голодно. О ее постоянной тоске по матери, родительской ласке. О ее робости, желании иметь семью, детей, которых ей так и не удалось родить. В общем, просто о неудавшейся жизни женщины, которая всегда была одинокой и в одиночестве умерла.

О чем же еще вспоминает Берник Мирак? Ей слово:

«Было осеннее утро 1944 года. Я стояла на платформе железнодорожной станции Детройта и с напряжением всматривалась в проходящую мимо толпу людей — все они только что вышли из вагонов поезда, прибывшего из Лос-Анджелеса. Я знала, что на сестренке должно быть платье густо-синего цвета, а на голове — шляпка, но все равно боялась, что не узнаю ее. И вдруг что-то привлекло мое внимание. Среди серой, такой привычной толпы я увидела стройную, изящную, очень красивую девушку. И еще увидела — у нее мои черты лица, мой рот, такие же, как у меня, каштановые волосы, даже прядь на лбу была точно — в точь как у меня. Это она, я не могла ошибиться! Я почувствовала необыкновенный прилив счастья и гордости. Эта юная красавица — моя сестричка Норма Джейн. Тогда она еще не была легендой и ее еще не звали Мэрилин Монро».

Берник Мирак впервые увидела сестру в 25 лет. Более того, долгое время она даже не подозревала о ее существовании.

Итак, они встретились на железнодорожном вокзале Детройта, и этот день стал рождением глубокой и сильной любви, которая связала двух сестер. Эту любовь Мэрилин скрывала ото всех, потому что не хотела «отдавать ее на растерзание» додумавшим журналистам.

Берник продолжает:

«Сколько лет я с возмущением слушала и читала всю ту ложь, которой поливали мою сестру. О ней говорили как о разрушительнице семей, — а ведь я-то точно знаю, что за всю свою жизнь она не переспала ни с одним женатым человеком. Но я молчала — потому что обещала ей ничего не говорить. Спасаясь от журналистов и фотографов, я заперлась в собственном доме, несколько раз меняла телефон, даже сама пустила про себя слух, будто бы я умерла. Но теперь решила рассказать людям всю правду».

Двести с лишним страниц книги «Моя сестра Мэрилин» как бы разрушили устоявшийся образ кинозвезды, созданный прессой. Образ секс-блонди, которая шла вперед напролом, не обращая внимания на своих близких, стыдилась собственной матери и тщательно скрывала, что та была душевнобольной. Все это ложь, свидетельствует ее сестра. «Мэрилин была мягкой и щедрой на душевную доброту женщиной, которая предпринимала отчаянные попытки собрать вместе свою нескладную и несчастную семью».

Берник начинает воспоминания рассказом о раннем детстве. «Шел 1923 год, — пишет она. — Мне было четыре года. К нам приехала молодая белокурая женщина с голубыми глазами. Это была моя мать». Блондинку звали Глэдис Монро, она была бывшей женой Джас-

пера Бэкера, родившей от этого брака двух детей — мальчика Джеки и девочку Берник. После развода муж увез малышей, потом снова женился. Когда Глэдис наконец-то нашла своих детей, у них уже была мачеха. В отчаянии Глэдис уехала в Калифорнию, решив начать жизнь сначала.

«После этой встречи с нашей матерью прошло много лет, мы ничего не знали о ней, — продолжает Берник. — Мой брат умер в младенческом возрасте, так и не узнав, жива его мать или нет. И уж он-то совсем не подозревал, что у него и у меня появилась к тому времени сестра».

Да, 1 июня 1926 года Глэдис родила девочку — Норму Джейн, будущую Мэрилин Монро. Вскоре мать и новорожденная остаются совершенно одни — Мартин Мортенсон, новый муж Глэдис и отец Нормы, бросает их. Мать была вынуждена отдать девочку в знакомую семью, ибо вокруг нее все рушилось. Ее бросил муж, компания, в которой она работала, разорилась, молодая женщина осталась без средств к существованию. У нее огромные долги — невыплаченные ссуды, взятые на покупку дома. Нервный срыв приводит ее в больницу, где ей ставят страшный диагноз: параноидальная шизофрения.

Когда Норме исполнилось девять лет, знакомые матери отдали девочку в детский дом. В одиннадцать лет ее забирает к себе еще одна подруга матери. А Глэдис тем временем пошла на поправку. Она лепет одну мечту — собрать всех своих детей и жить с ними. Вот тогда-то она и написала письмо своей первой дочке, рассказав ей о Норме.

Мэрилин Монро и Берник Мирак (слева)

«Это было в 38-м году, — продолжает Берник. — Из письма я узнала, что моя мать жива, хотя и находится в психиатрической больнице. В письме был адрес моей сестры Нормы. Ей было двенадцать, мне — восемнадцать, и я только что вышла замуж. Написала сестре письмо, послала и свою фотографию. Вскоре получила ответ — и между нами завязалась долгая сердечная переписка. Однажды получаю от Нормы приглашение на свадьбу — она выходит замуж за Джима Дагерти, соседа по дому... Это было в 1942 году, Норме всего шестнадцать лет. Помню, я заплакала от радости...»

Вскоре после свадьбы Джим подписал контракт на работу в морском флоте, а Норма начала карьеру фотомодели. Она все время приглашала сестру приехать к ней в Калифорнию вместе с мужем. Но в эти тяжелые военные годы у молодой пары не было денег, такое путешествие для них было непосильной роскошью. Для Нормы — тоже. Только в 1944 году она смогла наскрести необходимую сумму и приехала в Детройт. Так и произошла встреча на вокзале, которую описала Берник.

«Мы были очень смущены, когда привезли ее в нашу бедную квартиру. Но она сразу же почувствовала себя в своей тарелке. «Мне очень нравятся маленькие пространства, — заметила Норма с милой улыбкой. — Еще когда я была маленькой, мама укладывала меня спать в ящик от комода, потому что у меня не было кровати». Нет, сестра вовсе не походила на восходящую кинозвезду. Когда ей приходилось говорить в присутствии нескольких человек, она начинала заикаться от робости. И у нее совсем не было денег — чувствовалось, что она жила так же бедно, как и мы».

Вернувшись в Калифорнию, она прислала мне прекрасное письмо. «Мне тебя так не хватает, — писала она. — Ты еще лучше, чем я себе представляла. Я так люблю тебя, дорогая сестра, и все время буду любить». Летом 45-го года Норма написала мне, что наша мама вышла из психиатрической клиники и что она живет у одной нашей родственницы. А также о том, что мама примкнула к какой-то религиозной секте, одевается во все белое и ухаживает за больными.

Между тем брак Нормы с Джимом покатился под откос, — Джим не хотел, чтобы его жена работала фотомоделью. В 46-м году она потребовала развода. В этом же году подписала контракт с киностудией «XX век Фокс», переехала в Лос-Анджелес и взяла к себе нашу мать».

Когда Берник узнала об этом, то поняла, что это — единственная возможность хоть какое-то время пожить рядом с матерью и сестрой. Она забрала все деньги со своего счета и, взяв с собой дочь, уехала в Лос-Анджелес. Так наконец-то произошла встреча двух дочерей со своей матерью.

Берник продолжает:

«Когда самолет приземлился в Лос-Анджелесе, мы уже издали увидели Норму. Она была красива, волосы, стала платиновой блондинкой. Рядом с ней стояла щупленькая пожилая женщина. Мы подошли. Норма сказала: «Мама, вот твоя дочь Берник, а это твоя внучка». Я заплакала, хотела обнять маму, а она лишь притронулась к моей руке».

Мама интересовалась только своей религией. С нами была предельно холодна. Вместо того чтобы подбадривать Норму, она высмеивала ее — особенно когда та начала брать уроки дикции. «Подумать только, — сказала

мне однажды Норма, — а ведь тот день, когда я поехала в клинику, чтобы забрать ее, казался мне самым счастливым в моей жизни. Я так ждала момента, когда она выпишется и мы будем вместе! Но она встретила меня холодно, в ее взгляде не было ни капли любви. Мне показалось тогда, что меня бросили еще раз... Тебе было лучше. У тебя по крайней мере был отец».

И все-таки, когда мы жили вместе в Лос-Анджелесе, нам было очень хорошо. Мы смеялись, танцевали степ в кухне. Когда шли по улице, люди оборачивались — смотрели на Норму. Она очень за собой следила. Вставала утром пораньше, чтобы нагладить единственную «приличную» юбку. Однажды пригласила меня пойти вместе с ней на съемки. Здесь я узнала, что у нее есть другое, артистическое имя — Мэрилин. Мэрилин Монро — это фамилия нашей матери. С тех пор и я стала ее так звать.

В Голливуде ей велели придумать собственную жизненную историю: интересную и трогательную. Решили, что нужно сказать, будто Мэрилин сирота, — публике нравились душещипательные сюжеты. Но главное, Мэрилин хотела оградить маму от приставаний журналистов. Она совсем не стыдилась ее, как потом стали рассказывать, она просто хотела ее защитить».

В 1952 году, когда Мэрилин пожинала первые успехи, выпавшие на долю фильмов «Асфальтовые джунгли» и «Ева против Евы», Глэдис отправилась во Флориду, где к тому времени поселилась Берник, и рассказала ей «правду» о Мэрилин. Она заявила, что отцом

ее был «один очень известный в мире кино человек», а вовсе не Мартин Мортенсон. «Мэрилин уже об этом знает», — добавила она. Ну а вскоре после возвращения в Лос-Анджелес Глэдис снова попала в психиатрическую лечебницу. Теперь уже навсегда.

Мэрилин тем временем возносила в лучах славы. Но личная жизнь ее складывалась далеко не лучшим образом.

«Я нашла человека, который будет единственным в моей жизни», — писала Мэрилин сестре в 1954 году, накануне своей свадьбы с Джо Ди Маджо. Это было в январе. Однако к концу года они уже подали на развод. Устав быть «сексуальной кинозвездой», актриса всецело занялась театром. Здесь она знакомится с крупнейшим американским драматургом Артуром Миллером и в 1956 году выходит за него замуж. Когда же актриса почувствовала себя беременной, перед ней «словно раскрылись врата рая».

«Но на шестой неделе беременности, — пишет Берник, — она потеряла ребенка. «Мое сердце разбито, — сказала она мне. — Но я не сдаюсь, попробую снова». Так и произошло. В 1958 году она снова забеременела — но на третьем месяце у нее опять случился выкидыш. Она переслала мне целый ящик платяев, которые купила для того, чтобы носить их во время беременности. Не могла ли видеть дома — ей это было слишком больно. То был ужасный период для Мэрилин. Пришлось даже положить ее в психиатрическую клинику».

В 1951 году, после того как она перенесла операцию на желчном пузыре, Мэрилин просит сестру побыть с ней, пока окончательно не выздоровеет. «Ты мне так нужна», — говорит она. Берник находит ее подавленной, одинокой, печальной. Видит, что она глотает слишком много лекарств, но, когда говорит ей об этом, Мэрилин в отчаянии восклицает: «Я уже не могу без них!» Они много беседуют — и вот однажды речь заходит о настоящем отце Мэрилин. Им, по ее словам, был знаменитый Кларк Гейбл.

«Она призналась мне, что познакомилась с ним, — рассказывает Берник. «Он пришел в больницу навестить меня, — сказала Мэрилин. — У него такие же тонкие маленькие уши, как и у меня. Я довольна, что увидела его и что говорила с ним, — хотя бы один раз».

И вновь строки воспоминаний:

«...Был августовский вечер 1966 года, мы возвращались с прогулки домой. Приемник в автомобиле был сломан, и мы не слышали новостей. Едва я открыла дверь, как услышала настоячивые телефонные гудки. Звонила моя дочь. «Мама, — рыдая, крикнула она в трубку, — тетя Мэрилин сегодня утром умерла».

Она была очень красива, когда я увидела ее в последний раз — мертвой, в гробу. И, нагнувшись, прошептала ей: «Я тебя люблю».

Столько версий было о причинах ее смерти! Самоубийство, сверхдоза наркотиков, убийство... Нет, я не верю ни в одну из них. Думаю, это был несчастный случай. У нее было столько проектов! Она снова хотела сойтись с Джо Ди Маджо, она стала переставать своей дом в Лос-Анджелесе, у нее было назначено столько встреч... Зачем ей было убивать себя?

А наша мама, все еще находившаяся в клинике, не пролила по своей дочери ни одной слезинки. «Не надо было столько таблеток глотать», — только и сказала она. А я плакала беспрестанно. И до сих пор не могу успокоиться: ведь Мэрилин умерла, держа в руке телефонную трубку... А вдруг она звонила мне? И не могла дозвониться...»

Марина ФИЛАТОВА